

Тычинских З. А. «... И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке / З. А. Тычинских, С. Р. Муратова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 512—536. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536.

Tychinskikh, Z. A., Muratova, S. R. (2021). “... And Their Mosques From Churches of God to Build in Distant Places”: to Question of Formation of Interethnic and Interfaith Borders in Western Siberia in 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 512-536. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-512-536

«... И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна¹
orcid.org/0000-0002-5378-8909
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
zaituna.09@mail.ru

Муратова Светлана Раиловна²
orcid.org/0000-0001-9088-795X
кандидат исторических наук, доцент
s.r.muratova@utmn.ru

¹Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия)

²Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720012 «Концепты лимологии в изучении особенностей объектов фортификации XVIII века на территории Западной Сибири» и Минобрнауки РФ в рамках темы ФНИ «Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтничном регионе в XVIII — начале XX в.», номер государственного учета НИОКТР АААА-А19-119080790036-4

“... And Their Mosques From Churches of God to Build in Distant Places”: to Question of Formation of Interethnic and Interfaith Borders in Western Siberia in 18th Century

Zaytuna A. Tychinskikh¹
orcid.org/0000-0002-5378-8909
PhD in History
Senior Researcher
zaituna.09@mail.ru

Svetlana R. Muratova²
orcid.org/0000-0001-9088-795X
PhD in History, Associate Professor
s.r.muratova@utmn.ru

¹Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia)

²University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and the Tyumen Region within the framework of the scientific project No. 20-49-720012 “Concepts of limology in the study of the objects of fortification features of the 18th century on the territory of Western Siberia” and the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the FSR theme “Dynamics of sociocultural processes in Western Siberia as a polyethnic region in the 18th — early 20th centuries” АААА-А19-119080790036-4

© Тычинских З. А., Муратова С. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс выстраивания в XVIII веке этнорелигиозных границ в социальном пространстве Западной Сибири на примере губернского центра — Тобольска. Актуальность исследования обусловлена трансформацией этноконфессиональности из культурного феномена в инструмент, который может использоваться в политических целях в современной России. Одним из методологических инструментов исследования является метод анализа «новой локальной истории», который позволяет создать целостное восприятие изучения общественной жизни прошлого «на локальном объекте». Выделяются основные этапы государственной этноконфессиональной политики в XVIII веке. Уточняются факты насильственной христианизации мусульман. Авторы обращают внимание на роль личностного (субъективного) фактора в исследуемых процессах. На примере деятельности митрополита Сильвестра Гловатского и губернатора Ф. И. Соимонова рассматривается вектор развития межконфессиональных отношений, часто зависящий от дальновидности и мировоззренческих установок местной власти. Особое внимание уделяется правительственным указам, отражающим позиции государства в этнорелигиозной сфере. Выявлены особенности и выделены основные этапы процесса христианизации сибирских мусульман в течение XVIII столетия. Проанализирован процесс становления межконфессиональных границ в полиэтничном сибирском регионе. Представлена историография изучаемой темы.

Ключевые слова:

Западная Сибирь; Тобольск; XVIII век; этноконфессиональная политика; межкультурные и межконфессиональные границы; локальная история; мусульмане; православное духовенство; митрополиты; татарско-бухарская слобода.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of building ethno-religious boundaries in the 18th century in the social space of Western Siberia is considered on the example of the provincial center — Tobolsk. The relevance of the study is due to the transformation of ethno-confessionalism from a cultural phenomenon into an instrument that can be used for political purposes in modern Russia. One of the methodological research tools is the method of analysis of the “new local history”, which allows you to create a holistic perception of the study of the social life of the past “at a local object”. The main stages of the state ethno-confessional policy in the 18th century are highlighted. The facts of the forced Christianization of Muslims are clarified. The authors draw attention to the role of the personal (subjective) factor in the processes under study. On the example of the activities of Metropolitan Sylvester Glovatsky and the governor F. I. Soimonov, the vector of the development of interfaith relations is considered, which often depends on the foresight and ideological attitudes of local authorities. Particular attention is paid to government decrees reflecting the position of the state in the ethno-religious sphere. The features are revealed and the main stages of the process of Christianization of Siberian Muslims during the 18th century are highlighted. The process of formation of interfaith boundaries in the multiethnic Siberian region is analyzed. The historiography of the topic under study is presented.

Key words:

Tobolsk; XVIII century; ethno-confessional policy; intercultural and interfaith boundaries; local history; Muslims; Orthodox clergy; metropolitans; Tatar-Bukhara settlement.

УДК 94:342.724(571.1)“17”+348.9/9

«...И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке

© Тычинских З. А., Муратова С. Р., 2021

1. Введение

В современном мире религиозный и этнический факторы играют значимую роль в формировании глобальной повестки дня, поэтому проблемы этноконфессиональных отношений перестали быть лишь частью культуры и трансформировались в силу, способную оказывать воздействие на политические процессы. Регулирование этих вопросов является одной из функций государства, чрезвычайно важной в таком многонациональном и поликонфессиональном государстве, как Россия. В связи с этим изучение исторического опыта выстраивания государственной политики в этнорелигиозной сфере всегда будет актуальной задачей.

В статье на основе корпуса разноплановых источников (материалы центральных и региональных архивов, мемуары, нормативные акты и др.) предполагается рассмотрение этноконфессиональной ситуации в главном сибирском городе Тобольске в XVIII веке, наиболее драматичной в плане выстраивания взаимоотношений православной церкви и светской власти (как местной, так и центральной) с аборигенным татарским населением.

Методология исследования опирается как на исторические методы (ретроспективный, сравнительно-исторический и др.), так и общегуманитарные (нормативно-ценностный, институциональный, ситуативный, структурно-функциональный, деятельностный и др.), а также социально-философский метод исторических параллелей.

В качестве одного из методологических инструментов в данном исследовании нами использовано понятие «новой локальной истории», которое рассматривается как возможность целостного восприятия в процессе изучения общественной жизни прошлого «на локальном объекте». Как определяет С. И. Маловичко, «историографическая практика новой локальной истории основывается на способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное» [Теория ..., 2014, с. 337—339]. Таким локальным объектом в работе выступает социокультурное пространство Западной Сибири, в частности г. Тобольск в XVIII веке. Авторами сделана попытка предста-

вить отношения исторических макро- и микроуровней в конкретном вопросе этноконфессиональной политики и ее преломления на конкретном локальном объекте. Выбор Тобольска в качестве такого объекта определяется его статусом административного и политического центра Западной Сибири, являвшегося площадкой для апробирования реформ и действий, транслируемых далее на периферию.

Другим методологическим инструментом стал концепт лимологии, который позволяет исследовать особенности влияния этнотерриториальных, межкультурных, межконфессиональных границ на исторические процессы, протекающие в поликультурном регионе.

2. Историографический обзор проблемы

Вопросы межконфессиональных и межэтнических отношений всегда затрагивались исследователями при изучении истории присоединения Сибири к Русскому государству. Специальному рассмотрению отдельных аспектов данной проблемы посвящены работы Х. З. Зияева [Зияев, 1968], Н. А. Миненко [Миненко, 1975], А. С. Зуева [Зуев, 2009], Е. М. Главацкой [Главацкая, 2002], А. Ю. Конева [Конев и др., 2005; Конев, 2014], Л. И. Шерстовой [Шерстова, 2017], В. Ю. Софронова [Софронов], В. П. Ключевой [Ключева, 2002; Ключева, 2004], Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2004; Бакиева, 2008] и др. Особо следует выделить трехтомную коллективную монографию под редакцией А. П. Яркова, второй том которой [Ислам ..., 2019] посвящен истории сибирского ислама в исследуемый нами период. Исследователи сходятся в том, что этноконфессиональная политика на разных исторических этапах была связана с теми политическими установками, которые были у государства в тот или иной период.

По мнению известного историка А. С. Зуева, на этапе присоединения Сибири (конец XVI — XVII века) государственная политика в отношении коренных жителей не имела выраженного идеологического оформления. Она определялась, прежде всего, экономическими и военно-политическими целями, стоявшими перед Москвой, заинтересованной в укреплении своих позиций на вновь приобретенных землях. При этом уплата ясака аборигенами, как считает исследователь, не только обеспечивала казну, но и являлась показателем признания ими своего подданства [Зуев, 2009, с. 9].

В этот период главную линию государственной этноконфессиональной политики в Сибири можно определить словами из направленного в 1685 году сибирским воеводам указа, в котором было прописано: «Для того что Сибирь Государство дальше и состоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтоб тем Тобольских татар и Бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить, и от Государской милости их

не отгонять, и Сибирскому Государству какого повреждения не учинить» [ПСЗРИ, т. II, № 1117, с. 662—663]. Несмотря на то, что некоторые исследователи обращают внимание на декларативный характер данного указа [Конев и др., 2005, с. 168], мы согласимся с мнением Е. М. Главацкой, которая приходит к выводу, что в основе политики Москвы в XVII веке в отношении коренных народов края не было заложено элементов грубого религиозного или этнического угнетения. Она считает, что русская администрация, «взяв на себя ответственность за регулирование этнорелигиозных отношений в крае, делала все возможное, чтобы сгладить имевшиеся противоречия и не допустить возникновения вооруженных конфликтов» [Главацкая, 2002, с. 158]. Между тем процесс выстраивания межэтнических и религиозных границ был сложным и противоречивым.

Начало XVIII века связано с кардинальным изменением политики правительства, предопределенным стремлением Петра I к созданию сильного унитарного государства. Один из путей создания такого государства Петр I видел в унификации подданных, прежде всего по конфессиональному признаку. Для этого был взят курс на христианизацию аборигенного населения страны. Достаточно жестко и целенаправленно проводилась эта политика в период правления Петра I на территории Поволжья, причем в отношении как язычников, так и мусульман. Так, к примеру, Ф. Л. Шарифуллина сообщает об указах 1713 и 1715 годов, по которым инородцам-магометанам, владевшим вотчинами и поместьями, приказывалось перейти в православие. В противном случае их земли отходили крещеным родственникам или государю [Шарифуллина, 1991, с. 23].

Оправной точкой в курсе на христианизацию сибирских аборигенов стал указ 1714 года «Об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татаров и якутов, и о крещении сих народов в христианскую веру» [Шерстова, 2017, с. 82—83]. Активная миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири была поддержана правительством. Причем для ее проведения Петр I подбирал лучшие кадры в Киевской Духовной школе, назначая на сибирскую кафедру такого митрополита, который «мог Божию помощью, исподволь, в Китае и в Сибири ... закованных человек приводить в познание истинного Бога» [Софронов]. В Сибирь направляются специальные духовные миссии, начинается подготовка священников из крещеных аборигенов.

По мнению Л. И. Шерстовой, в результате целенаправленной политики Петра I и энергичной деятельности сибирского митрополита Филофея Лещинского и их преемников большая часть населения Сибири в течение первой половины XVIII века приняла христианство. Часто при этом применялись довольно жесткие методы. Как пишет исследователь, «поголов-

ное крещение, проводимое по всей Сибири с наказанием ослушников, сожжением и осквернением сакральных мест, вызвало массовое бегство ее обитателей за пределы досягаемости “просветителей”, в Сибири словно бы повторилась “пора завоевания”» [Шерстова, 2017, с. 84].

Вместе с тем, оценивая конфессиональную политику Российского государства в отношении сибирских «инородцев» в рассматриваемый период, Л. М. Дамешек говорит о ней как о необходимой составляющей имперской политики, а христианизацию аборигенов называет важным элементом политики интеграции [Дамешек, 2008, с. 303]. С данной позицией соглашается В. Ю. Софронов, по мнению которого христианизация являлась частью общей государственной политики в Сибири, целью которой была ассимиляция коренных народов, стирание этнокультурных границ и растворение их в православном российском социуме [Софронов]. При этом оба автора признают политическую и социокультурную значимость этих государственных задач.

На наш взгляд, наиболее близко к оценке этнорелигиозной политики в XVIII веке в Западной Сибири подошел А. Ю. Конев. В целом соглашаясь с тем, что сама христианизация проводилась при активной поддержке правительства, он все же склоняется к мнению, что корни такой политики следует искать прежде всего в мировоззренческих установках самой Русской православной церкви (далее — РПЦ) на процессы просветительства в Сибири, уточняя, что массовый характер христианизация здесь получает только при митрополичестве на Тобольской кафедре выходцев из Киево-Могилянской академии [Конев и др., 2005, с. 168—169].

В. Н. Асочакова, анализируя ситуацию с сибирскими инородцами Восточной Сибири, также приходит к выводу, что «государственная модель христианизации» реализовывалась двумя силами — государством и РПЦ. Она обращает внимание на то, что общая линия государства в отношении массовых крещений отличалась своей сдержанностью и терпимостью к верованиям местного населения. Но на местах, по её мнению, эта политика подвергалась корректировке со стороны РПЦ, которая, руководствуясь «узковедомственными интересами», допускала значительные перегибы в процессе христианизации [Асочакова, 2012, с. 39—43].

Как видим, исследователи едины во мнении, что миссионерская деятельность РПЦ в Сибири в первой половине XVIII века проводилась при активной поддержке правительства. Неслучайно известный сибиревед А. В. Головнев называл XVIII век этапом «конфессионального захвата» Сибири [Головнев, 1995, с. 90].

Обращаясь к ситуации с сибирскими татарами, обычно пишут об отказе от их насильственной христианизации, ссылаясь на заведомую бесперспек-

тивность такой политики в отношении мусульманских народов [Бакиева, 2008, с. 7—15; Софронов]. Исследователи считают, что исламская религия уже довольно прочно утвердилась среди тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна. Однако ситуация была не столь однозначна, и насильственная христианизация в XVIII веке, как показывают источники, хоть и непоследовательно, но проводилась в отношении сибирских мусульман.

3. «Чтоб ... Тобольских татар и Бухарцов и иных земель приезжих иноземцов не ожесточить ...»

Достаточно наглядно зигзаги и нюансы этноконфессиональной политики в отношении мусульманского населения в XVIII веке демонстрирует ситуация в главном сибирском городе — Тобольске.

Большинство жителей столичного центра Сибири были православными. Мусульмане, представленные татарами и бухарцами, составляли незначительное число. Они проживали в городе отдельно от русского населения, в татарско-бухарской слободе. Г. Ф. Миллер, побывавший в Тобольске в 30-е годы XVIII века, приводит ее описание: «Татарские и бухарские дома шли двойным рядом вдоль Иртыша, от устья Курдюмки. На берегу Иртыша находилась пристань. В этом районе нижнего посада велся оживленный торг с купцами из Средней Азии и Китая, из Казани и Ирана. Здесь постоянно останавливались караваны торговцев», «для исполнения служб мусульманскому богу» здесь имелись две мечети [Миллер, 2004, с. 21].

Население татарско-бухарской слободы в рассматриваемый период составляли служилые татары, юртовские и приезжие бухарцы, захребетные татары, а также их семьи. По переписной книге 1719 года, «Тобольских Юртовских татар и Бухарцов (коих де на нижнем посаде) ... 62 юрты: а живут в середине между Российскими стена об стену» [ПСЗРИ, т. 12, с. 765]. Согласно переписи 1736 года, общее число жилых домов в Тобольске составляло 3102 двора, в числе которых 17 дворов служилых татар, 1 из которых принадлежал татарскому голове, 24 двора ясачных татар и 51 двор бухарцев [Там же]. Таким образом, в первой половине XVIII века в городе насчитывалось 92 двора татар и бухарцев.

Жившие в центре города компактной слободой татары и бухарцы вели себя достаточно свободно и независимо. Не только местные, но и столичные власти старались сохранить с ними хорошие отношения. Однако в отличие от светских властей и русского населения города местное православное духовенство не желало мириться с соседством татар и всеми средствами пыталось их выселить из центральной части нижнего посада.

Еще в XVII веке тобольские митрополиты неоднократно обращались в столицу с просьбами переселить татар на Панин бугор или за территорию

Знаменского монастыря. Но, несмотря на эти обращения, татар оставляли жить на прежних местах: «А которые иноземцы¹ живут под горою в Тобольску и в иных местах меж русскими людьми; и тем иноземцом указали Великие Государи жить по-прежнему, а на Панин бугор их не переводить, чтоб им от того лишней тягости и разоренья не было ...» [ПСЗРИ, т. 2, с. 663].

4. «Чтоб в Тобольске мечетям татарским между церквями Божьими и жилищу их татарскому с христианы не быть ...»

В 1702 году на сибирскую митрополичью кафедру был назначен Филофей Лещинский (1702—1711), выходец из Киево-Могилянской школы и страстный ревнитель православной веры. С его именем связаны активизация христианизации и факты крещения, в том числе насильственного, сибирских татар. Так, в ходе миссионерской деятельности в 1718—1720 годах им были крещены туринские татары, а в 1720 году — обские и чулымские татары [Валеев, 1993, с. 173].

При митрополите Филофее начались новые активные попытки выселения татар из центральной части города. «Чтоб в Тобольске мечетям татарским между церквями Божьими и жилищу их татарскому с христианы не быть, потому что от мечетев церквам Божим бывает перешкода, а христианам, живущим в соседстве с татарами, не без того, чтоб с ними не ели и не пили, и празднеств татарских не праздновали, и во блюда не впадали с поганы, а погане с христианами, и те их места отдать на двор гостиный, на церковь людям посадским», — писал в 1702 году в Москву Филофей [Сулоцкий, 2000, с. 78].

Пытаясь выстроить границы проживания православных и мусульман, митрополит в своем обращении просил поселить татар и бухарцев отдельной слободой за Знаменским монастырем на речке Княжухе. Татары обратились в Москву с просьбой оставить их на прежнем месте, так как выбранное митрополитом место было «сырое и непригодное для жилья».

В октябре 1703 года тобольским воеводой Черкасским было направлено распоряжение Сибирского приказа «о переезде татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор». В нем отмечалось: «Которые иноземцы юртовские служилые и захребетные татара и бухарцы живут в Тобольске под горою, в нижнем посаде меж Русскими людьми; и тем иноземцам жить в тех же местах по-прежнему, а за Знаменский монастырь не переводить,

1 *Иноземцы* — социополитоним, употреблявшийся по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI — начале XVIII века. Применительно к народам Сибири имел преимущественно политическое звучание, означая переходное состояние от потенциального подданства к реальному, хотя и содержал в себе также этнокультурные и социально-правовые смыслы, степень проявления которых зависела от контекста употребления самого социополитонима [Цит. по: Зуев, 2016, с. 69)].

чтоб им от того лишней тягости и разоренья и в подводной гоньбе остановки не было» [ПСЗРИ, т. 4, с. 226].

В том же документе рекомендовалось мусульманам строить мечети в Тобольске в отдаленности от русских церквей, «чтобы живучи на старых своих местах, между русскими людьми, близ церквей Божиих, во время божественного пения не кричали и безчинства никакого, также и русским людям никакой препоны и обид не чинили и мечеть свою от церквей Божиих отнесли на дальние места, чтобы никакого крика и пения близ церквей Божиих не было» [Там же, с. 227].

Таким образом, предпринятые православным духовенством в начале XVIII века попытки выселения татар из центра на окраину города не увенчались успехом. Мусульманское население осталось жить на прежнем месте.

Несмотря на поставленную Петром I задачу конфессиональной унификации, довольно жестко реализовавшуюся в период его правления в Европейской части Российской империи, в Сибири старались придерживаться прежней линии «не жесточить» аборигенное население. По отношению к мусульманскому населению (сибирским татарам и бухарцам) здесь действовали сообразно обстоятельствам. На наш взгляд, такая осторожность была связана и с обострением геополитической ситуации на пограничном пространстве России между джунгарами, казахами, башкирами, а также с недостаточным русским военным присутствием на осваиваемой территории.

Правительственный указ «О некрещении Татар и других иноверцев против их воли» от 31 июля 1719 года, декларировавший, что «в неволю их иноверцев никого крестить не будут, разве которые пожелают волею своею креститься ...» [Там же, т. 5, с. 726—727], обращенный к Сибирскому губернатору, отражает определенную гибкость политики Петра I в отношении сибирских мусульман, с позициями которых пришлось считаться, несмотря на выбранный им конфессиональный курс.

С приходом к власти в 1741 году Елизаветы Петровны, продолжившей политику отца, в том числе в религиозном вопросе, происходит новый этап наступления на позиции мусульман. С началом ее правления связано появление указов 1742 и 1744 годов. Указ от 19 ноября 1742 года запретил мусульманам строить культовые сооружения в населенных пунктах, где они проживали совместно с христианами. Он коснулся Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерний.

В результате реализации положений указа 1742 года в Сибирской губернии «в Тобольском уезде при 5843 душах 23 мечетей осталось. — 3. Т., С. М.), а разломано 66. В самой Тюмени и в уезде разломано 19, оставлено 13 (мечетей. — 3. Т., С. М.)» [Там же, т. 12, с. 764]. В Тобольске в «в нижнем посаде две мечети сломаны», а тобольские мусульмане, татары и бу-

харцы, в количестве 290 душ, были приписаны к Медянской мечети, которая находилась от города в 6 верстах [Там же, с. 764].

Политика государства по уничтожению храмов мусульман вызвала массовое возмущение и потоки жалоб в центральные органы власти. В этих условиях совместное заседание Сената и Синода пришло к необходимости выработки нормативов для учреждения новых мечетей, «которые на фоне абсолютного запрета должны были выглядеть существенной “льготой” для мусульман» [Загидуллин, 2007, с. 58, 60].

И. К. Загидуллин предлагает рассматривать указ 1744 года как попытку налаживания цивилизованных государственно-исламских отношений. Он объясняет появление документа предупреждением возможной реакции в исламском мире на действия Российских властей ответными мерами в отношении православных храмов и прихожан за пределами страны [Там же, с. 60].

Вместе с тем православное духовенство, не останавливаясь только на уничтожении мусульманских храмов в Тобольске, в 1745 году предприняло очередную попытку выселения татар и бухарцев из города, требуя перевести мусульманское население для жительства на Панин бугор или к Чувашскому мысу. Мотивировалось это заботой «об преизяществе города» и о том, «что у берега судовая пристань», а потому «всяким купецким людям с товаром и хлебом весьма прилично построить» гостиный двор. Новая попытка выселения татар подкреплялась ссылкой духовенства на правительственные указы 1742 и 1744 годов, по которым было приказано сломать мечети в татарских населенных пунктах, где проживало менее 200 душ мужского пола [ПСЗРИ, т. 12, с. 767—768]. Эти действия активизировались при митрополите Антонии Нарожницком (1742—1748), также выходце из Киево-Могилянской академии.

В январе 1745 года в Сибирскую губернскую канцелярию митрополитом Антонием была направлена промемория, в которой он, по-своему интерпретируя указы 1742 и 1744 годов, требовал «высылать» мусульман не только из деревень их совместного проживания с христианами и «новокрещенными», как было прописано в документах, но и из городов, ссылаясь на то, что «оное определение, по силе вышереченного ... указа о всех магометанах быти генеральное, а не частное» [Там же, с. 766—767].

Происходившие события вынудили татар и бухарцев Тобольска, Тюмени, Тары, Томска направить в Сенат челобитную с жалобами на действия митрополита. В челобитной мусульмане описывали затруднительные условия, в которых они оказались после уничтожения мечетей: «Для моления по их Магометанскому закону живущим, как в городе Тобольске Татарам и Бухарцам в Медянские юрты, и объявленных городов Тюменя, Тары и Томска

в уездах из деревень за дальностью расстояния ездить никак невозможно, в зимнее время от тяжких морозов, а в летнее за реками от великих погод, а паче Тобольским из города за великою рекою Иртышем, ибо моление происходит по закону их в каждые сутки по 5 раз» [Там же, с. 764—765].

Татарам вновь удалось опротестовать посягательство на их исконные места жительства. Сославшись на правительственные указы 1742 и 1744 годов, Сибирская губернская канцелярия отказалась переселять татар из центральной части нижнего посада.

5. «... Чинит тобольским и тарским татарам и бухарцам наглые и несносные обиды и нападки ...»

В 1749 году на кафедру в Тобольск приходит новый митрополит Сильвестр Гловатский (1749—1755), получивший образование в Киевской Духовной академии. До своего назначения в Сибирь он служил настоятелем Свяжского Богородицкого монастыря и начальником Поволжской Новокрещенской конторы, занимаясь обращением в христианство народов Поволжья [Софронов, 2004, с. 436]. Установки Новокрещенской конторы он переносит и в Сибирь. С его именем связана новая волна наступления на права мусульман. Стремясь расширить православную миссию, он берется за крещение тобольских татар и бухарцев.

Показательно в связи с этим, что в своих воспоминаниях бывший тобольский губернатор Ф. И. Соимонов, оценивая действия митрополита, писал: «Сильвестр, будучи ревнитель к православной вере, и желая последовать предкам своим, принял намерение обращать татар, которых под разными притеснениями забирал в свою консисторию, держал многих долговременно в железах и принуждал принимать крещение, почему будто бы некоторые волею и крещение восприяли» [Кравцов, 2014, с. 208]. Ф. И. Соимонов считал, что за этими действиями митрополита стояли прежде всего его личные амбиции: «... Это по большей части нечто иное, как архиерейская гордость и желание той чести и славы, что он мог не так, как прежние архиереи, остяков и вогулов, но магометан в христианский закон перевести. А прочие, как консистория, та и отцы крестные, поступили единственно по его приказаниям» [Там же, с. 208—209].

Действия православного духовенства вызвали массовые обращения татарского и бухарского населения с жалобами. Так, татары и бухарцы писали, что тобольский и сибирский митрополит пренебрегает указом «и чинит тобольским и тарским татарам и бухарцам наглые и несносные обиды и нападки», и описывали эти «обиды»: «... Прошлого 1750 года в разных месяцах Сильвестр из сибирской губернской канцелярии указ посланным к тобольскому татарскому голове Маметулаеву браны были силою рукою

татара и бухарцы також жены и дети и дворовые люди и особливо посланы были от оной губернской канцелярии сибирского гарнизона солдаты для того взятыя которые были привезены в Тобольск и отданы митрополичий двор которых его преосвященство держал под крепким и бесисвесным караулом и кованых железах и морил голодом и великим страхом под тяжким принуждением непожеланием их как выше показано силою рукою многих крестил в том числе многих малолетних и в несовершенном разуме ...» [РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 7306, л. 6—6 об.].

В начале 50-х годов XVIII века была создана Следственная комиссия о татарах и бухарцах, главной целью которой было регулирование взаимоотношений мусульман и новокрещенных татар. Подробное описание хода событий, связанных с организацией комиссии и предвалявших ее, дает омская исследовательница А. А. Крих, которая на основе материалов центральных и местных архивов воссоздает драматичный характер ситуации, сложившейся в Тобольске [Крих, 2012, с. 87—92].

Осуществляемая митрополитом Сильвестром политика привела к тому, что в сентябре 1750 года по очередному судебному процессу было арестовано десять тобольских юртовских татар (2 мужчин и 8 женщин). В начале октября 1750 года татарам стало известно, что арестованные содержатся в консистории и часть из них уже принудили принять крещение. 3 октября на нижнем посаде города Тобольска на месте разрушенной мечети состоялся сход тобольских юртовских татар и бухарцев для составления прошения. Вскоре участники этого собрания по доносу были арестованы и отправлены в губернскую канцелярию, а затем в архиерейский дом [Там же, с. 88].

После того, как был арестован служилый татарин Ибраим Аширов, пытавшийся просить за своего племянника Турсуна Баюнова, к делу подключились служилые татары. В губернскую канцелярию была направлена коллективная челобитная от бухарцев, ясачных и служилых татар, в которой они просили отпустить из-под стражи тех, кто еще не принял православия. Также они требовали, чтобы Тобольская духовная консистория в письменном виде объяснила, зачем и по какому делу татары были арестованы, а если впредь будут задерживать татар по каким-либо делам, чтобы эти дела рассматривались в Сибирской губернской канцелярии, а не отсылались в консисторию [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 71].

Однако местная администрация оставила челобитную без ответа. В это время, не выдержав пыток во время допросов, некоторые из арестованных татар приняли православие. Так, крещены были Батыр Буранаков, Ибраим Аширов и Сундула Сеитов [Там же, л. 59, 68]. Всего в 1750 году в Тобольском уезде были крещены 26 мусульман [Крих, 2012, с. 88].

Безуспешные попытки достучаться до сибирского губернатора А. М. Сухарева привели мусульман к идее подачи жалобы на митрополита Сильвестра в Сенат. Как пишет Ф. И. Соймонов, «татарские и прочих народов, находящиеся в Сибири, в Тобольске и в прочих городах магометанского закону немалое число, зная императорские указы, что неволею к вере никого принуждать не велено, не получа от губернатора никакой справедливости, просили в Правительствующем Сенате и на архиерея, и на губернатора» [Кравцов, 2014, с. 209].

Тобольских татар и бухарцев поддержали мусульмане Тюменского и Тарского уездов. В состав выбранной для поездки в столицу с челобитьем делегации вошли от Тобольска сын тобольского ахуна старшина Метелей Татжимов, служивый татарин Чюра Кутумов и его зять Мерзенер Меретев, от тарских бухарцев мулла Ибельямин хан Сеитов и купец Алим Шихов, от тюменских бухарцев Сеит Меметев. Для поездки делегации был организован сбор средств [РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 7306, л. 15—15 об.].

В феврале 1751 года в Сибирской губернской канцелярии и духовной консистории стало известно о сборе средств и организации челобитья в Сенат. В марте 1751 года сборщик средств Кулаш Килеев был арестован и вместе с Ибраимом Ашировым и Кучуком Изеньяровым отправлен в Канцелярию тайных дел. Несмотря на попытки митрополита не допустить челобитчиков в столицу, татарам удалось раздобыть необходимые для поездки документы, и в конце февраля 1751 года Ибельямин хан Сеитов и Алим Шихов выехали из Тары [Крих, 2012, с. 90].

О скандале, разразившемся в Тобольске в октябре 1750 года с участием тобольских мусульман и митрополита Сильвестра, стало известно в столице. Прокурор Сибирской губернии Егор Елисеев, присутствовавший на допросах арестованных татар и наблюдавший за ходом судебного разбирательства, 23 ноября 1750 года отправил доношение по поводу происходивших в Тобольске событий генерал-прокурору князю Н. Ю. Трубецкому. Сибирский прокурор обвинил сибирского губернатора «в сговоре» с сибирским митрополитом. 28 марта 1751 года Н. Ю. Трубецкой доложил о ситуации в Тобольске в Сенат, который запретил Сибирской губернской канцелярии отсылать содержащихся под арестом татар в духовную консисторию по требованию митрополита Сильвестра. Сенат потребовал от Синода выписку тех «великоважных духовных дел», из-за которых в сентябре и октябре 1750 года татары были арестованы. Было велено запретить митрополиту принуждать иноверцев к переходу в православие.

Чтобы соблюсти интересы как светской, так и духовной власти во время пребывания сибирских челобитчиков в столице, 23 октября 1751 года Синод предложил создать в Тобольске специальную следственную «ко-

миссию о татарах и бухарцах», куда бы вошли по два представителя от Сената и Синода [ГБУ ТО ГА в г. Тобольске, ф. 156, оп. 1, д. 1800, л. 18]. В комиссии должны были рассматриваться все дела, поступающие в Сибирскую губернскую канцелярию и Тобольскую духовную консисторию, касающиеся религиозных вопросов.

Организационный процесс создания следственной комиссии затянулся на несколько лет. 15 октября 1753 года Сенат издал распоряжение о порядке проведения расследования Тобольской следственной комиссией, с которым Синод согласился в декабре 1753 года. Между тем челобитчики, вернувшиеся из столицы в Тобольск в феврале 1754 года, не были наказаны, что вызвало недовольство митрополита.

12 апреля 1754 года вышел очередной указ в Синод о запрете сибирскому митрополиту отлучать татар от их домов и привлекать «неволею к крещению». А в 1755 году Сильвестр был переведен из Тобольска в Суздаль.

Члены следственной комиссии были определены и направлены в Тобольск в мае 1754 года. Показательна в этом плане оценка Ф. И. Соимоновым состава комиссии: в нее ввели «с татарской стороны — бригадира Чемодурова, и летами и умом совсем слабого, другого — надворного советника Льва Болтина, который хоть не летами, но умом слабого человека, третьего — Вологодского полку капитана Черкашенинова, который хотя и достойный того был, однако один против всех столько силы не имел. С архиерейской стороны — архимандрит Добрыня и 2 игумена, из которых один был и пьяница, и дурак, а другой из подьяческого рода проворный крючкотворец. Архимандрит Добрыня был достойный к тому делу человек, но прежде указу был от комиссии уволен и отпущен в Иверский монастырь» [Кравцов, 2014, с. 209].

Новый сибирский губернатор Ф. И. Соимов, вступивший на эту должность в 1757 году, после смерти А. М. Сухарева и непродолжительного правления В. А. Метляева (1752—1757) посчитал, что комиссия за 6 лет существования не оправдала возложенных на нее задач, истратив при этом огромную сумму — 7000 рублей. Ф. И. Соимов провел расследование о деятельности комиссии и ряде рассмотренных ею дел, в итоге которого «мы и решение учинили — татар оправдали, а архиерея и прочих помощников ему обвинили, и деньги, издержанные в комиссии, расположили. А по архиерейском самовольстве и что он поступал против присяги и прав государственных, то предали на рассмотрение и для решения Святейшему Синоду. Однако он избавился тем, что за год до этого умер в Суздальской епархии. На то от Сената указ получили: комиссию уничтожить, а дела отдать в губернский архив» [Пузырев, 2019, с. 140].

Уже в 1757 году комиссия прекратила свою деятельность [Пузырев, 2019, с. 139]. А в середине 1760-х годов дела, ранее относящиеся к веде-

нию комиссии, разбирались как Духовной консисторией, так и Сибирской губернской канцелярией [Клюева, 2002, с. 188].

Вместе с тем, несмотря на негативную в целом оценку деятельности комиссии и митрополита Сильвестра губернатором Ф. И. Соймоновым, представляется показательной история строительства церкви Захарии и Елизаветы, которая была возведена в центре Татарской слободы в 1752 году при митрополите Сильвестре и под его непосредственным руководством. Проживавший в Тобольске крестьянин М. Мухин купил в татарской слободе пустопорожнее место и отдал его в распоряжение митрополиту Сильвестру, который решил построить на этом месте храм. Не сообщая никому о своем намерении, Преосвященный приказал рубить в Знаменском монастыре срубы, будто бы для больничной церкви. Когда срубы были готовы (а случилось это в воскресный день), 24 августа 1752 года, после литургии организовал крестный ход из собора. Шествие по приказанию митрополита Сильвестра направилось в татарские юрты прямо к тому месту, которое было куплено Мухиным. Это место было немедленно расчищено и освящено. Крестьяне митрополита подвезли срубы и все необходимое для строительства. Преосвященный тотчас заложил церковь и обратился к народу с просьбой содействия в ее построении, и через 10 дней она была готова и освящена во имя праведных Захарии и Елизаветы. Все это время татары волновались и чуть не убили крестьянина Мухина, после жаловались даже императрице Елизавете Петровне, но на этот раз безуспешно [ТЕВ, 1882, с. 385].

6. «... Разъехались жить к свойственникам и к другим своим в татарские деревни ...»

В 1757 году вспыхнул в нижнем посаде новый пожар, в котором погибли 92 татарские юрты. Место по Иртышу между Знаменским монастырем и р. Курдюмкой губернатором Соймоновым у татар было отобрано. В пожаре сгорела вместе с татарскими юртами и другими домами и деревянная Захарьевская церковь, построенная митрополитом Сильвестром. Вместо нее при губернаторе Ф. И. Соймонове в 1759 году была построена красивая каменная двухэтажная церковь с богатым внутренним убранством [Тычинских, 2008, с. 30].

Ф. И. Соймонов в своих воспоминаниях пишет об этих событиях следующее: «Те места, на которых пожар случался, было строение столь тесное, что и по улицам с нуждою с одною телегою проезжать было можно, а по переулкам одни пешие проходить могли. А строения так часто было, что с кровли на другую почти по всему строению переступить можно было. В том строении почти по большей части татарские дворы были, и хотя за 10 лет неоднократные из Сената указы были, чтоб всех татар переселить на

Панин бугор, однако татары почти на всякий полученный указ принуждены были ездить и просить; да в том об отсрочке и успех получали. Но при том случае, как строения их все без остатку погорели, и по указу ко мне из Сенату велено улицы шире назначить и под дворы обывательские земли отмерять, а татар по силе прежних указов переселить на Панин бугор или на другое способное место по моему рассмотрению» [Кравцов, 2014, с. 206].

Далее он пишет: «Я, видя татарское нежелание переитить на Панин бугор, к тому же и по справедливости то неспособным было, потому что от реки Иртыша около двух верст, а от Курдюмки речки больше версты, а на бугре воды нет. Оной же так высок, что больше 30 сажень выше низких мест; и для того я определял для поселения повыше Ямской слободы на берегу Иртыша реки. Но татары принять того не похотели, будучи в той надежде — либо по прежним примерам упроят у Сената о отмене их на то определение, для чего и ездили, и в Сенате просили, однако, не получив ничего, кроме своего убытка, возвратились. Однако не хотели на отведенных мною им местах поселиться, разъехались жить к свойственникам и к другим своим в татарские деревни» [Там же].

Таким образом, православному духовенству, в определенной степени, удалось добиться исполнения своей давней цели — переселить татар. Но заслуга принадлежит Ф. И. Соймонову, сумевшему окончательно разрешить волновавший духовенство вопрос без больших потерь для мусульманского населения.

В пожаре 1757 года среди прочих строений сгорели также «лавки и анбары и погреб», принадлежавшие татарскому голове мурзе Кульмаметеву. Место «мерюю земли 196 сажень» на берегу Иртыша было пожаловано еще его деду Авазбакею Кульмаметеву по грамотам великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича «за верные и беспорочные службы». Когда в результате пожара «на тех жалованных местах означенное строение погорело ... без остатку», Тобольская городская канцелярия и магистрат запретили Кульмаметевым строиться на прежнем месте «до получения из правительствующего Сената указа». Указом из Сената от 6 ноября 1760 года было велено Кульмаметеву «в особо отведенном с татарами месте поселиться, а пожелает остаться на прежнем месте, то ему и наследникам его по силе 1701 года жалованной грамоты под дворовое строение дать места столько же, сколько у него до пожара было» [Тычинских, 2008, с. 30—31]. Но на землях, принадлежавших ранее Кульмаметеву, уже были построены Гостиный двор и купеческие лавки. Кульмаметев обращался с неоднократными прошениями в губернскую канцелярию о возврате собственности. В прошении от 12 июля 1788 года на Высочайшее имя он просит вернуть ему прежнее место «по праву наследственному от

предков его идущему в вечное и потомственное владение и за прошедшие годы в каждой по 500 руб. сколько тобольское купечество пользовалось повелено было подлежащую сумму взыскать и его одного удовольствовать» [Там же]. Однако попытка оспорить Кульмаметевым решение канцелярии на лишение права владения наследственной землей не увенчалась успехом, несмотря на огромную власть и привилегии, которыми пользовались в тот период мурзы Кульмаметевы.

Коренным образом обстановку, сложившуюся в отношениях между государством и исламом, изменило вступление на престол Екатерины II, которая понимала необходимость регулирования религиозного вопроса во благо укрепления самодержавия [Загидуллин, 2007, с. 67].

Упразднение в 1764 году «Канторы новокрещенских дел» положительно повлияло на снятие напряженности в этноконфессиональных отношениях. С 1767 года решение вопросов исламского храмового строительства в Сибири стало входить в прерогативу сибирских губернаторов. Это было подтверждено указом 1769 года, в котором определялась нормативная база данного процесса [Там же].

Вместе с тем сибирское православное духовенство по-прежнему не мирилось с присутствием татар в Тобольске. В 1764 году митрополит Тобольский и Сибирский Павел II (1758—1768), который также был выпускником Киевской академии, обратился в Синод с просьбой о «недозволении татарам селиться и жить совместно с христианы» [Загидуллин, 2007, с. 67].

Митрополит Павел требовал от тобольских священников ежемесячные рапорты «о живущих в приходах их как у русских на подворьях, так и собственными их юртами некрещенных татарах и бухарцах ... с показанием сколько в каждом приходе тех татар своими юртами и у кого у русских на подворьях. И как далеко от церкви святых. И с кем постоянно в близости жительство имеют» [ГБУТО ГА в Тобольске, ф. 156, оп. 2, ф. 1368, л. 1].

Приведем пример такого рапорта, иллюстрирующего ситуацию с расселением мусульман в Тобольске (табл. 1).

В 1766 году митрополит обращается к губернатору Д. И. Чичерину с требованием выслать из Тобольска некрещеных татар и запретить им селиться рядом с русскими: «... К общежительству с христианы <...> юртовских татар и бухарцов не допускать» [ГБУТО ГА в Тобольске, ф. 156, оп. 2, д. 1386, л. 20—20 об.].

В ответ из администрации губернатора 5 мая 1766 года митрополиту Павлу было направлено «Покорнейшее объявление», в котором губернатор отказывался от выполнения данной просьбы, ссылаясь на то, что у него в отношении татар есть определенное указание от верховной власти. Далее он отмечал: «А ежели де Его Преосвященство хошет тех татар жжить с места,

Таблица 1

Данные отчета за 1766 год митрополиту Павлу о числе татар и бухарцев, живущих в г. Тобольске на территории церковных приходов

В Воскресенском приходе				
на русских подворьях и живущие своими юртами				
Юрт, дворов	мужского пола	женского пола	всего	расстояние от церкви
8	21	17	38	от 35 до 100 саж.
В Благовещенском приходе				
6	14	17	31	80—170 саж.
В Богоявленском приходе				
1	2	2	4	150 саж.
В Архангельском приходе				
1	1	1	2	73 саж.
В Христорожественском приходе				
у русских на подворье нет				
Всего в 5 приходах				
16	38	37	75	—
В Воскресенском приходе				
своими юртами				
4	4	число точно не известно	4	4
В Благовещенском приходе				
4	16	13	29	10—160 саж.
В Архангельском приходе				
живущих своими юртами нет				
В Христорожественском приходе				
1	1	3	4	250 саж.
Всего в 5 приходах				
9	21	16	37	—

то б сам от себя писал к Ея Императорскому Величеству. А я де того учинить не могу, что и Вашему преосвященству приказал объявить» [Там же, л. 25].

Таким образом, несмотря на очередные попытки притеснения мусульман со стороны РПЦ, местная власть по-прежнему проводила политику лояльности и терпимости в русле общегосударственного курса.

В 1782 году было зафиксировано в Тобольске 98 ревизских душ инородцев и 151 — новокрещенных, большинство из которых были татарами и их потомками. Таким образом, во второй половине XVIII века в Тоболь-

ске наблюдается заметное уменьшение числа мусульманского населения, что было связано с происходившими в середине столетия событиями, повлиявшими на значительный отток мусульманского населения из города. Происходит увеличение числа новокрещеных, большинство из которых в дальнейшем были ассимилированы, а их потомки вошли в состав русского населения.

В 1784 году был утвержден новый план города. По нему «иноверцам магометанского закона» предполагалось расселяться за Пиляцкой улицей ближе к Иргышу. Но татарам и бухарцам разрешалось жить также и в других частях города при условии строительства полагающихся для этих районов домов. Переселение татар из центральной части нижнего посада на окраину города, с одной стороны, несколько успокоило претензии РПЦ. Последовательная позиция светской власти, пресекающей перегибы со стороны тобольских митрополитов, вносила относительную стабильность в этноконфессиональный вопрос.

7. Заключение

Таким образом, нами рассмотрен региональный аспект этноконфессиональной политики государства в отношении сибирских мусульман в XVIII веке. На наш взгляд, в формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири и столичном городе Тобольске в рассматриваемый период можно выделить три основных этапа:

I этап (начало XVIII века — 1740 год) был связан с проведением курса, заложенного Петром I, на унификацию населения страны, в том числе и Сибири. Одним из направлений этого курса стал процесс христианизации мусульман Сибири. Правительством придавалось ему особое значение как средству духовной колонизации новых территорий, при этом часто выбор способов достижения цели представителям православной церкви был не важен. Активными проводниками насильственной христианизации были Тобольские митрополиты — выходцы из Киево-Могилянской академии. Они же были сторонниками разграничения территории проживания мусульман и христиан.

Несмотря на жесткость выбранного общего курса этноконфессиональной политики, правительство стремилось продолжать в отношении сибирских мусульман курс на сотрудничество, как и в XVII веке, что было продиктовано более значимыми для государства целями, чем конфессиональная унификация: сохранение стабильной обстановки в приграничном регионе, лояльных отношений с бухарцами для поддержания сложившихся торговых связей на Востоке. Смеем предположить, что это было связано и с фронтирностью осваиваемого региона и признанием отсутствия

должных сил для сдерживания возможного протестного движения. Все это свидетельствует о более гибкой этнорелигиозной политике государства на рассматриваемой территории по сравнению с Поволжьем.

II этап (1740—1760 годы) характеризуется очередным наступлением на права мусульман, связанным с восшествием на престол Елизаветы Петровны и изданием указов 1742 и 1744 годов. Сибирь накрывает новая волна христианизации, отразившаяся и на мусульманах. Происходит сокращение количества исламских храмов, ущемление возможностей реализации религиозных потребностей. В связи с этим в Тобольске сокращается численность мусульманского населения. Тобольской митрополии удается достичь давней цели переселения мусульман (татар и бухарцев) из центра нижнего посада на окраину города. Этот период связан с противостоянием, с одной стороны, митрополита Сильвестра Гловацкого, проводившего насильственную христианизацию тобольских мусульман, и, с другой стороны, бухарцев и татар, вставших единым фронтом на защиту своих религиозных прав и выстраивавших стратегию противостояния политике насильственной христианизации.

На примере Тобольска мы видим, что этнорелигиозная ситуация на местах в этот период часто зависела от субъективных факторов, таких как рвение и амбиции на миссионерском поприще представителей православного духовенства, прибегавших к методам насилия в достижении своих целей, умелое или слабое администрирование местных чиновников. Вектор развития межэтнических и межконфессиональных отношений на местах часто зависел от дальновидности и мировоззренческих установок сибирских и тобольских губернаторов.

III этап (1764 — конец XVIII века) этноконфессиональной политики в отношении мусульман Сибири характеризуется сменой курса на сотрудничество с исламом, что было связано с приходом к власти Екатерины II и переориентацией политики в религиозной сфере. В этот период происходит формирование единого тюрко-мусульманского ареала с общими интересами и задачами по отстаиванию религиозных и этнических позиций, которое привело к участию мусульман в деятельности Уложенной комиссии, а в дальнейшем к учреждению Духовного управления мусульман Российской империи.

В этот период в Тобольске предпринимаются очередные попытки ущемления прав мусульман со стороны митрополита Павла II, но благодаря взвешенной политике светской власти, в частности губернатора Д. И. Чичерина, удается сохранить стабильность в межконфессиональных отношениях.

Исторический опыт показывает, что «предпочтение одной из конфессий либо одной из этнических групп неизбежно приводит к ситуациям, ка-

тализирующим конфликты» [Главацкая, 2002, с. 160]. На примере истории столичного центра Сибири наглядно просматривается правота данного положения. На всех этапах развития межэтнических и межконфессиональных отношений в XVIII веке мусульманское население Тобольска всеми средствами стремилось сохранить свои духовные устои. Для татар и бухарцев насаждение христианства не прошло бесследно: заметно сократилось городское население Тобольска — оно было вынуждено переселяться в места, где сохранились мечети. Эти процессы зримо перекроили территорию расселения татар и бухарцев в нижнем посаде Тобольска и в рассматриваемый период стали показателем отношения государственной власти к мусульманскому населению.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. Ф. 156. Тобольская духовная консистория, г. Тобольск Тобольской губернии (1721—1922 гг.). Оп. 2. Д. 1368. Л. 1, 20—20 об.; Оп. 1. Д. 1800. Л. 18.

2. *Соймонов Ф. И.* Рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея / Ф. И. Соймонов; составители Н. В. Горбушина, А. Е. Чекунова. — Москва: Государственный исторический музей, 2014. — 536 с. — ISBN 9786890762818.

3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи* (далее). Собрание первое. — Т. 2. — № 1117. — С. 662—663; Т. 4. — № 1946. — С. 226; Т. V. — № 3410. — С. 726—727; Т. 12. — № 9446. — Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 764, 765, 767—768.

4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов). Оп. 1. Д. 7306. Л. 6—6 об., 15—15 об.; Оп. 113. Д. 843. Л. 71.

5. ТЕВ — *Тобольские Епархиальные ведомости*. — Тобольск, 1882. — № 17—18.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асочакова В. Н.* Политика христианизации коренных народов Сибири в XVII—XIX вв.: историографический аспект / В. Н. Асочакова // *Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова*. — 2012. — № 1. — С. 39—43.

2. *Бакиева Г. Т.* Российское государство и сибирские татары в XVII — начало XX в.: конфессиональный аспект / Г. Т. Бакиева // *Известия Алтайского государственного университета*. История, политические науки. — 2008. — № 4. — Т. 4. — С. 7—15.

3. *Бакиева Г. Т.* К вопросу о взаимоотношениях мусульман и новокрещенных у сибирских татар / Г. Т. Бакиева // *Социокультурная динамика и экономическое развитие Тюменского региона. XXI век: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. — Тобольск: Издательство Тобольского государственного педагогического института, 2004. — С. 26—31.

4. *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары / Ф. Т. Валеев. — Казань: Татарское книжное издательство, 1993. — 208 с. — ISBN 5-298-01049-0.

5. *Главацкая Е. М.* «Потому что от мечетей церквям Божиим бывает перешкода ...»: из истории этнорелигиозных контактов в Северо-Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. / Е. М. Главацкая // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 156—160.

6. *Головнев А. В.* Говорящие культуры : традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. — Екатеринбург : УрО РАН, 1995. — 608 с. — ISBN 5-7691-0548-8.

7. *Дамешек Л. М.* Конфессиональная политика империи в Азиатской России как составной элемент политики интеграции / Л. М. Дамешек // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2008. — С. 303—306.

8. *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири / И. К. Загидуллин. — Казань : Татарское книжное издательство, 2007. — 416 с. — ISBN 978-5-298-01534-9.

9. *Зияев Х. З.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.) / Х. З. Зияев. — Ташкент : Фан, 1968. — 74 с.

10. *Зуев А. С.* Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири / А. С. Зуев // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Главный редактор В. А. Ламин. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — Т. 1. — С. 9—14. — ISBN 5-8402-0230-4.

11. *Зуев А. С.* «Иноземцы» — «свои» и «иные» : понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI — начало XVIII века) / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин // Вестник НГУ. Серия : История, филология. — 2016. — Т. 15. — № 8 : История. — С. 67—85.

12. *Ислам на краю света.* Ислам на краю света : история ислама в Западной Сибири : в 3 т. Сибирский ислам в Средние века и Новое время [коллективная монография] под редакцией А. П. Яркова. — Москва : [б. и.], 2019. — Т. 2. — 368 с. — ISBN 978-5-89394-xxx-x.

13. *Клюева В. П.* К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (середина XVIII в.) / В. П. Клюева // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск : ОмГПУ, 2002. — С. 186—188.

14. *Клюева В. П.* Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII — середина XVIII в.) : проблемы взаимодействия / В. П. Клюева // ВААЭ. — 2004. — № 5. — С. 131—137.

15. *Конев А. Ю.* Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области / А. Ю. Конев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 22 (351). История. — Выпуск 61. — С. 137—141.

16. *Конев А. Ю.* Социально-правовые аспекты конфессиональной политики Российского государства в Западной Сибири XVII — XIX вв. / А. Ю. Конев, Г. Т. Бакиева, В. П. Клюева // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : Материалы итоговой научной сес. Учен. совета Ин-та проблем освоения Севера СО РАН 1999 г. — Тюмень : Издательство : ГУП Сибирский полиграф. предприятие «Наука» РАН, 2005. — С. 164—173.

17. *Крих А. А.* Взаимодействие сибирских татарских религиозных общин с имперскими властями : середина XVIII века / А. А. Крих // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века). — Оренбург : Оренбургский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. — С. 87—92. — ISBN 978-5-91854-097-8.

18. Миллер Г. Ф. Курдюмка, Пилигримка, Княжева ... : Сибирская столица 1741 г. в описании академика Г. Ф. Миллера / Г. Ф. Миллер // «Родина». — 2004. — Специальный выпуск. — С. 17—21.

19. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк / Н. А. Миненко. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. — 306 с.

20. Пузырев И. Д. Роль губернаторов Ф. И. Соимонова и И. И. Неплюева в деятельности «татарской комиссии» г. Тобольска середины XVIII в. / И. Д. Пузырев // Сибирские татары : материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск : Тобольская типография, 2019. — С. 134—141. — ISBN 978-5-9909229-7-6.

21. Софронов В. Ю. Причины начала христианизации населения Западной Сибири в начале XVIII века [Электронный ресурс] / В. Ю. Софронов. — Режим доступа : <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities> (дата обращения 15.06.2020).

22. Софронов В. Ю. Тобольский биографический словарь / В. Ю. Софронов. — Екатеринбург : «Уральский рабочий», 2004. — С. 436. — ISBN 5-85383-276-X.

23. Сулоцкий А. И. Челобитная митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского Петру Великому и ответ сего Государя на нее. Сочинения в 3 т. / А. И. Сулоцкий. — Тюмень, 2000. — Т. 2. — С. 73—74.

24. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ответственный редактор А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — С. 337—339. — ISBN 978-5-906578-03-7.

25. Тычинских З. А. Из истории тобольской татарской слободы / З. А. Тычинских // Провинция в русской культуре. Научная конференция II Ремезовские чтения : сборник научных статей. — Новосибирск : [б. и.], 2008. — С. 23—31. — ISBN 978-5-94560-119-2.

26. Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары / Ф. Л. Шарифуллина. — Казань : Татарское книжное издательство, 1991. — 127 с. — ISBN 5-298-00927-1.

27. Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири : конец XVI — начало XX в. / Л. И. Шерстова. — Томск : Издательство Томского университета, 2017. — 252 с. — ISBN 978-5-7511-2513-4.

MATERIAL RESOURCES

Documents from the Russian state archive of ancient acts. F. 248. The Senate and its institutions (the Union funds). Op. 1. D. 7306. L. 6—6 vol., 15—15 vol.; Op. 113. D. 843. L. 71. (In Russ.).

Soimonov, F. I. (2014). *Manuscript heritage. From the funds of the Department of Written Sources of the Historical Museum*. Moscow: State Historical Museum. 536 p. ISBN 9786890762818. (In Russ.).

State budgetary institution of the Tyumen region "State archive in Tobolsk". F. 156. Spiritual Consistory Tobolsk, Tobolsk Tobolsk province (1721—1922 gg.). Op. 2. D. 1368. L. 1, 20—20; Op. 1. D. 1800. L. 18. (In Russ.).

The Complete collection of laws of the Russian Empire (hereinafter). The collection first, 2 (1117): 662—663; 4 (1946): 226 p.; V (3410): 726—727; 12 (9446). (1830). Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya His Imperial Majesty's Own Chancellery. 764, 765, 767—768. (In Russ.).

Tobolsk Diocesan Vedomosti, 17—18. (1882). Tobolsk. (In Russ.).

REFERENCES

- Asochakova, V. N. (2012). The policy of Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the XVII—XIX centuries: historiographical aspect. *Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov*, 1: 39—43. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2004). On the issue of the relationship between Muslims and newly baptized among the Siberian Tatars. In: *Socio-cultural dynamics and economic development of the Tyumen region. XXI century: materials of the All-Russian scientific and Practical Conference*. Tobolsk: Publishing House of the Tobolsk State Pedagogical Institute. 26—31. (In Russ.).
- Bakieva, G. T. (2008). The Russian state and the Siberian Tatars in the XVII — beginning of the XX century: confessional aspect. *Proceedings of the Altai State University. History, political sciences*, 4 (4): 7—15. (In Russ.).
- Chubaryan, A. O. (ed.). (2014). *Theory and methodology of historical science. Terminology dictionary*. Moscow: Aquilon. 337—339. ISBN 978-5-906578-03-7. (In Russ.).
- Crich, A. A. (2012). Interaction Siberian Tatar religious communities with Imperial powers: the middle of the XVIII century. In: *Regional management and the problem of efficiency of power in Russia (XVIII — XXI century)*. Orenburg: Orenburg branch of the RANPEA under the President of the Russian Federation. 87—92. ISBN 978-5-91854-097-8. (In Russ.).
- Dameshek, L. M. (2008). *Confessional policy of the Empire in Asian Russia as an integral element of the integration policy*. Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk: Irkutsk State University. 303—306. (In Russ.).
- Glavatskaya, E. M. (2002). “Because there is a cross-code from mosques to the churches of God...”: from the history of ethno-religious contacts in North-Western Siberia in the XVII — early XVIII centuries. In: *The Turkic peoples. Materials of the V-th Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk-Omsk: OmSPU. 156—160. (In Russ.).
- Golovnev, A. V. (1995). *Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: UrO RAS. 608 p. ISBN 5-7691-0548-8. (In Russ.).
- Klyueva, V. P. (2002). On the question of the activities of the Investigative Commission on Tatars and Bukharans (mid — XVIII century). In: *The Turkic peoples. Materials of the V-th Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk-Omsk: OmSPU. 186—188. (In Russ.).
- Klyuev, V. P. (2004). Orthodoxy and Islam in Western Siberia (the late seventeenth to mid — eighteenth century): problems of interaction. *WAAA*, 5: 131—137. (In Russ.).
- Konev, A. Yu., Bakieva, G. T., Klyuev, V. P. (2005). Socio-legal aspects of the confessional policy of the Russian state in Western Siberia of the XVII—XIX centuries. In: *Problems of interaction between man and the natural environment: Materials of the final scientific session. Learned. Council of the Institute of Problems of development of the North SB RAS 1999*. Tyumen: Publisher: GUP Siberian polygraph. enterprise “Science” RAS. 164—173. (In Russ.).
- Konev, A. Yu. (2014). Confessional policy of Russia in relation to the gentiles of Western Siberia in the XVIII century in the documents of the State Archive of the Tyumen region. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 22 (351): *History* / 61: 137—141. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2004). Kurdyumka, Pilgrim, Knyazheva ...: The Siberian capital of 1741 in the description of academician G. F. Miller. In: *“Rodina”. Special issue*. 17—21. (In Russ.).

- Minenko, N. A. (1975). *North-Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 306 p. (In Russ.).
- Puzyrev, I. D. (2019). The role of governors F. I. Soymonov and I. I. Neplyuev in the activities of the “Tatar commission” of Tobolsk in the middle of the XVIII century. In: *Siberian Tatars: materials of All-Russian (with international participation) symposium. “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”*. Tobolsk: Tobolsk printing House. 134—141. ISBN 978-5-9909229-7-6. (In Russ.).
- Sharifullina, F. L. (1991). *Kasimov Tatars*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 127 p. ISBN 5-298-00927-1. (In Russ.).
- Sherstova, L. I. (2017). *Aboriginal policy of Russia and ethnopolitical processes in Siberia: the end of the XVI — beginning of the XX century*. Tomsk: Tomsk University Press. 252 p. ISBN 978-5-7511-2513-4. (In Russ.).
- Sofronov, V. Yu. (2004). *Tobolsk biographical dictionary*. Yekaterinburg: “Ural Worker”. P. 436. ISBN 5-85383-276-X. (In Russ.).
- Sofronov, V. Yu. *The reasons for the beginning of the Christianization of the population of Western Siberia at the beginning of the XVIII century*. Available at: <https://zaimka.ru/sofronov-missionary-activities> (accessed 15.06.2020). (In Russ.).
- Sulotsky, A. I. (2000). Petition of Metropolitan Philotheus Leshchinsky of Siberia and Tobolsk to Peter the Great and the answer of this Sovereign to it. In: *Works in 3 volum, 2*. Tyumen. 73—74. (In Russ.).
- Tychinskikh, Z. A. (2008). From the history of the Tobolsk Tatar settlement. In: *Province in Russian culture. Scientific conference II Remezov readings: a collection of scientific articles*. Novosibirsk: [b. i.]. 23—31. ISBN 978-5-94560-119-2. (In Russ.).
- Valeev, F. T. (1993). *Siberian Tatars*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 208 p. ISBN 5-298-01049-0. (In Russ.).
- Yarkov, A. P. (ed.). (2019). *Islam at the end of the world. Islam at the End of the world: the History of Islam in Western Siberia: in 3 volum, 2: Siberian Islam in the Middle Ages and Modern Times*. Moscow: [b. i.]. 368 p. ISBN 978-5-89394-xxx-x. (In Russ.).
- Zagidullin, I. K. (2007). *Islamic institutes in the Russian Empire. Mosques in the European part of Russia and Siberia*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 416 p. ISBN 978-5-298-01534-9. (In Russ.).
- Ziyaev, H. Z. (1968). *Uzbeks in Siberia (XVII—XIX centuries)*. Tashkent: Fan. 74 p. (In Russ.).
- Zuev, A. S., Ignatkin, P. S. (2016). “Foreigners” — “their” and “additional”: terminological classification of socio-political status of the Siberian natives in the Moscow state (the end of XVI — the beginning of the XVIII century). *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology, 15 (8): History*. 67—85. (In Russ.).
- Zuev, A. S., Lamin, V. A. (ed.). (2009). Aboriginal (foreign) policy of Russia in Siberia. In: *Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 volum, 1*. Novosibirsk: Historical heritage of Siberia. 9—14. ISBN 5-8402-0230-4. (In Russ.).